

Книга Иоила и лаодикийская церковь адвентистов седьмого дня - номер восемнадцать

Jeff Pippenger

2025-12-25

Номер восемнадцать

Мы рассматриваем завет Аврама и еще не затронули элемент пророчества Аврама, имеющий прямую связь с начальными стихами книги Иоила. Пророчество Аврама о четырёхстах годах порабощения вместе с 430 годами, упоминаемыми у Павла, образует пророческую структуру, согласующуюся с 1290 годами из Дан. 12:11. 1290-летнее пророчество одиннадцатого стиха — это омега-период в 430-летней пророческой линии Аврама и Павла. Эта истина — элемент того, что раскрывается в последние дни и отделяет мудрых от нечестивых.

С омега-пророчеством о 430 годах был связан символ «четырёх поколений», обозначающий период испытательного срока для нации, державшей Божий избранный народ в рабстве. Для Моисея это был Египет, для ста сорока четырёх тысяч, которые поют песнь Моисея, — это история Соединённых Штатов с 1798 года до воскресного закона. Соединённые Штаты, представленные как «зверь, выходящий из земли» в тринадцатой главе Откровения, начинают как агнец и заканчивают, говоря как дракон. Иосиф, символ Агнца, представляет период относительного мира в Египте до тех пор, пока не появился новый фараон и не началось рабство. Таким образом, нация, которая судится в четвёртом поколении (для Моисея это был Египет), — это Соединённые Штаты. Остаток судится при воскресном законе, как это прообразовано казнями, которые для евреев завершились кровью на дверных косяках, а затем — для самой египетской нации у Красного моря. Иосиф и Моисей представляют доброго фараона и злого фараона, что для Соединённых Штатов означает сначала агнца, а затем дракона.

Пророчество Аврама о суде в четвертом поколении включало тот факт, что закрытие времени испытания является постепенным, поскольку в исполнении пророчества Аврама во дни Моисея время испытания закрылось не только для Египта, но для аморреев ещё оставалось время, чтобы наполнить свою чашу испытательного времени — после того как Египет наполнил свою. Красное море для Египта было тем же, чем закон о воскресном дне для Соединённых Штатов, и затем "каждая другая страна на земном шаре" "последует примеру" Соединённых Штатов, что представлено аморреями после закрытия времени испытания для Египта.

Аморреи — одно из десяти племён, которые в завете с Аврамом обозначают мир от реки Египетской до реки Вавилона; поэтому аморреи представляют народы мира, которые как нации закрывают своё индивидуальное время испытания после воскресного закона в

Соединённых Штатах. Аморреи — библейский символ закрывающегося над миром суда, и это происходит в третьем и четвёртом роде. Красное море — символ закрытия времени испытания для Соединённых Штатов, а аморреи представляют народы, последовательно закрывающие своё время испытания, вплоть до закрытия человеческого времени испытания. Следовательно, аморреи — символ периода кризиса воскресного закона у Красного моря вплоть до избавления восточным ветром, когда Божьему народу открывается путь избавления.

Но пророчество Авраама не только говорит о «четвёртом поколении», где Соединённые Штаты представлены как Египет, а мир — как Аморреи; что ещё важнее, оно относит поколение народа Божьего, переходящего через Красное море, к «четвёртому поколению». Когда мы извлечём, что сможем, из понимания «четырёх поколений» в первом из трёх шагов Авраама, мы рассмотрим второй и третий шаги завета Авраама. Второй шаг — семнадцатая глава, а третий шаг — разумеется, двадцать вторая глава.

В двенадцатой главе книги Даниила выделены три пророческих периода, и все они представляют пророческое время, которое завершилось в 1844 году. Эти три периода раскрываются в последние дни и представляют умножение знания, которое приходит к народу Божьему в последние дни. Христос, как Муж в льняной одежде, в седьмом стихе определяет первый из трех пророческих периодов и, делая это, соотносит Себя с ангелом десятой главы Откровения, который стоит не на воде, но на земле и на море.

И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и всё, что на нём, и землю и всё, что на ней, и море и всё, что в нём, что времени уже не будет. Откровение 10:5, 6.

В седьмом стихе двенадцатой главы муж в льняной одежде также клянётся Тем, Кто живет вечно.

И я услышал мужа в льняной одежде, который стоял над водами реки: он поднял к небу правую и левую руку и клялся Живущим во веки, что это будет на время, времена и половину времени; и когда будет завершено рассеяние силы народа святого, тогда все это совершится. Даниила 12:7.

Нам открыто вдохновением, что та же линия пророчества, содержащаяся в книге Даниила, получает продолжение в книге Откровения, и понимание миллеритов состоит в том, что эти два описания являются параллельными местами о Христе. Христос как Ангел с книжечкой, указывающий в книге Откровения на конец применения пророческого времени в 1844 году, и Христос как Муж в льняной одежде в книге Даниила, указывающий, что, когда в Соединённых Штатах будет введён воскресный закон, все чудеса последнего видения Даниила завершатся. В рамках той священной истории, которая предшествует воскресному закону и кульминирует в нём, народу Божьему предстояло быть рассеянным на период, обозначенный символом 1260. Период рассеяния, предшествующий воскресному закону, изложен в одиннадцатой главе Откровения, где Моисей и Илия убиты и мёртвы лежат на улице три с половиной дня, что является символом 1260.

В седьмом стихе муж в льняной одежде указывает, что, когда рассеяние силы святого народа завершит свои три с половиной дня, «чудеса», которые постигнут народ Божий последних дней, завершатся. Мы завершили предыдущую статью комментарием сестры Уайт к третьей главе Захарии. Первое предложение гласило: «Видение Захарии об Иисусе и Ангеле с особой силой относится к опыту народа Божьего в заключительных сценах великого дня искупления». В самой главе и во вдохновенном комментарии сестры Уайт к ней сто сорок четыре тысячи — это «мужи, над которыми дивятся». «Чудеса» последнего видения Даниила, которые завершаются воскресным законом, — это «чудеса», связанные с запечатлением народа Божьего.

Двенадцатая глава книги Даниила дает свет, который запечатывает сто сорок четыре тысячи в последние дни. Этот свет представлен тремя пророческими периодами, которые все были выявлены и утверждены как истина в миллеритской истории. Эти три периода представлены в трех стихах и являются тремя столпами, поддерживающими структуру истины. Структура истины держится на трехступенчатом процессе. Этот процесс из трех шагов представлен в отрывке из девяти стихов (4–12) тремя стихами, которые излагают пророческое время. Эти три пророческих периода, если подходить к ним с позиции основополагающего миллеритского понимания, порождают три символических периода, которые определяются в согласии с миллеритским пониманием, но не включают элемент времени.

Три периода находятся прямо в том самом отрывке Писания, который описывает «процесс запечатывания пророчества — а затем его распечатывания» и включает классическое библейское описание троекратного процесса испытания. Девять стихов, которые начинаются с повеления Даниилу запечатать свою книгу, — это те самые стихи, в которых изложены три периода, и в этих девяти стихах процесс очищения, совершаемый при раскрытии истины, выражен словами «очищены, убелены и испытаны». Три периода в этих трёх стихах — это «умножение знания», «время конца» и «последние дни»; они представляют собой окончательный процесс испытания и запечатления заветного народа Божьего. Именно в этой истории излагаются символические «чудеса», которые постигают народ Божий в последние дни. Пожалуйста, прочитайте этот абзац ещё раз.

Три периода, изложенные в трех стихах отрывка из девяти стихов, представляют кульминацию книги Даниила, и эта кульминация является кульминацией внутренней пророческой линии; это рассказ о том, как камень «высекается» из горы без рук, что и есть история об остатке. Эта внутренняя линия представлена в десятой и двенадцатой главах, а кульминация внешней линии пророчества находится в заключительных стихах одиннадцатой главы и в первых нескольких стихах двенадцатой главы Даниила.

Эти три периода также являются кульминацией видений — по свидетельству рек Улай и Хиддекель, — и в этих трех стихах содержится пророческий период, представляющий кульминационное исполнение пророчества о времени завета, для которого свидетелями выступают и Аврам, и Павел. Иисус как Муж в льняной одежде — в седьмом стихе, Он идет по воде. В одиннадцатом стихе два голоса, которые также являются голосом Христа; Аврам

и Павел стоят, чтобы свидетельствовать. В двенадцатом стихе представлена история запечатления народа Божьего, ибо сто сорок четыре тысячи — девы, и девы переживают притчу о десяти девах, а благословение в двенадцатом стихе — на тех, кто ожидает. Те, кто ожидают в притче и кто «блаженны», — это те, которые получают одежду, позволяющую им войти в брак, когда дверь закрывается.

В седьмом стихе Иисус идёт по воде, что вызывает страх, но Пётр решает поверить и начинает идти и воздавать Богу славу, однако Пётр часто является символом обоих классов, и слава снова обращается в страх, когда наступил его час суда. Первый период, обозначенный в седьмом стихе, представляет весть первого ангела. Иисус на водах — символ страха и первого ангела. Затем Иисус определяет период, когда Он прославит Свой народ перед судом воскресного закона. Все три элемента трёх ангелов присутствуют в седьмом стихе, ибо седьмой стих — первый из трёх стихов, которые представляют трёх ангелов.

Одиннадцатый стих обеспечивает «удвоение», добавляя к альфа-голосам Аврама и Павла своё омега-свидетельство. Их «удвоенные» голоса сливаются, чтобы представить пророчество о времени завета, и одиннадцатый стих исполняет это пророчество как омега, определяя пророческий период, который завершается падением Вавилона в 1798 году и тем самым прообразует падение Вавилона, когда Михаил встанет в последние дни. В одиннадцатом стихе мы видим удвоение пророков и период, представляющий два падения Вавилона, что выражает весть второго ангела, провозгласившего: «Пал, пал Вавилон».

Седьмой стих — это весть первого ангела, одиннадцатый стих — весть второго ангела, а двенадцатый стих, то есть Даниила 12*12 или Даниила 144, — о различии между мудрыми и неразумными, которое совершается в процессе суда и завершается проявлением характера в кризисе суда. Двенадцатый стих — это весть третьего ангела, определяющая, как мир разделяется на два класса, а соответствием внешнему изображению этого самого разделения в вести третьего ангела является внутреннее разделение третьего ангела, представленное в двенадцатом стихе. Седьмой, одиннадцатый и двенадцатый стихи — это весть трех ангелов, и эти стихи — свет, который раскрывается в последние дни. Раскрытие этих трех стихов в последние дни согласуется с десятой главой Откровения.

Христос, как сильный Ангел и как Лев из колена Иудина, в десятой главе возревел как лев, и Его рёв произвёл семь громов, которые были запечатаны, как была запечатана и десятая глава Даниила. Это параллельные места. По этой причине три периода в двенадцатой главе — это также семь громов десятой главы Откровения.

«Семь громов» — это всего лишь ещё одно выражение Христа как Альфы и Омеги, ибо основной символизм «семи громов» состоит в том, что они представляют «последовательность событий», произошедших с 1798 по 1844 год, которая повторится в «будущих событиях», которые «будут раскрыты в своём порядке» в истории ста сорока четырёх тысяч. Таким образом, «семь громов» — это символ Альфы и Омеги; который также является началом и концом; первым и последним, основанием и храмом;

краеугольным камнем и венцом — семь громов.

Свет трех символических периодов в двенадцатой главе книги Даниила должен согласоваться со светом семи громов, ибо они — одна и та же пророческая линия. В первом периоде Христос поднимает обе руки к небу, как Он делает это одной рукой в десятой главе Откровения. В десятой главе Откровения Его рука становится символом окончания применения пророческого времени, обозначая переход от пророческих временных периодов к просто пророческим периодам. Эта смена основного пророческого правила, использовавшегося миллеритами, имела свой прообраз в великом переходе от буквального к духовному во времена Христа.

Апостол Павел был воздвигнут, чтобы утвердить важнейшее пророческое правило, связанное с пророческой линией избранного народа. В самом начале духовного Израиля устанавливается важнейшее пророческое правило, которое переопределяет сам завет. С тех пор быть чадом Авраама — значит быть чадом Авраама по вере, а не по крови. Этот пророческий принцип был введён главным образом пером Павла, который в этом отношении был прообразом Христа из десятой главы Откровения, изменившего и положившего конец пророческому использованию времени в 1844 году.

Завет с человечеством представлен радугой, а ковчег Ноя символизирует период времени до и после потопа, когда не было ясно определённого избранного народа. Призвание Авраама ознаменовало значительное и важное изменение в пророческих отношениях Бога с человечеством. Завет, заключённый с Авраамом, означал крупный сдвиг в истории заветов и тем самым служил прообразом крупного перехода от буквального к духовному во дни Павла, а также — в 1844 году — от применения временных расчётов к их неприменению.

Первый сдвиг в Божьем завете с человечеством произошёл в Саду, и явным изменением стали ограничения относительно древа жизни; он также привёл к смене одежды: от духовного света к буквальной одежде из ягнячьей шкуры. Следующий крупный сдвиг в истории завета — потоп, который представляет Ной, как и Адам представлял первый крупный сдвиг завета. Затем — переход к избранному народу с Авраамом, приведший к Моисею, который вводит пророческий принцип, согласно которому день означает год. Этот принцип действует до 1844 года, когда произошёл ещё один крупный сдвиг завета. В великие эпохи истории завета всегда происходит крупный сдвиг в принципе Божьего пророческого Слова. Тот сдвиг в истории ста сорока четырёх тысяч заключается в том, что Альфа Омега — Истина. Альфа и омега — это принцип, согласно которому конец всегда иллюстрируется началом в Божьем Слове. К этому принципу альфы и омеги привязана трёхчастная структура еврейского слова «истина».

Главный пророческий сдвиг в истории остатка непосредственно представлен в каждой из основных историй завета, а также в других линиях истины. «Ключ», возложенный на Елиакима в Исаии 22:22, — это тот же ключ, который дан Петру в Паниуме в шестнадцатой главе Матфея. Этот ключ дан Филадельфийской церкви, и именно Уильяму Миллеру был дан ключ, позволивший ему обратиться к самому принципу «день за год», записанному

Моисеем в истории Моисея, что прообразно представляло историю миллеритов. Связь Миллера с пророчеством Моисея была представлена связью Павла с пророчеством Авраама. И почему бы Миллеру не соединиться с Моисеем? Спасение Моисея в ковчеге связывалось со спасением Ноя в ковчеге, чтобы соединить оба завета. Сдвиги в пророческом применении, начинающиеся в Эдеме, показывают, что великое откровение пророческого света явлено в истории последнего народа завета — сто сорок четыре тысячи. Я утверждаю, что главный пророческий сдвиг представлен семью громами, которые непосредственно связаны с тремя периодами в двенадцатой главе Даниила, и они распознаются только при применении принципов альфы и омеги на основе метода «строка на строку», который опирается на трёхступенчатую структуру истины.

В стихах, непосредственно предшествующих объявлению, что «времени более не будет», Христос представил семь громов, которые — как и истины двенадцатой главы Даниила — были запечатаны. Контекстом для мужа, одетого в льняную одежду и поднимающего обе руки, в двенадцатой главе является снятие печати с книги Даниила, а контекстом для Христа-Льва в десятой главе Откровения — запечатывание семи громов. Сестра Уайт соотносит запечатывание семи громов с запечатыванием книги Даниила.

«После того как эти семь громов проговорили своими голосами, Иоанну, как и Даниилу в отношении малой книжки, даётся повеление: „Сокрой то, что проговорили семь громов“. Это относится к будущим событиям, которые будут открыты в своём порядке». The Seventh-day Adventist Bible Commentary, т. 7, с. 971.

Семь громов определяются десятой главой Откровения и Духом пророчества, а также историей миллеритов с 1840 по 1844 год, которая повторяется в истории ста сорока четырёх тысяч. В том же отрывке говорится: «Особый свет, данный Иоанну и выраженный в семи громах, был изложением событий, которые должны были произойти во время вестей первого и второго ангела. Народу не следовало знать об этом, ибо их вера неизбежно должна была быть испытана. По Божьему порядку должны были быть провозглашены самые удивительные и более глубокие истины». Миллериты не понимали, что им предстоит столкнуться с двумя разочарованиями, поскольку их непонимание было предназначено для их испытания. Миллериты не предполагали никаких «продвинутых истин», то есть они не ожидали никаких «крупных пророческих сдвигов» в истории завета.

Хотя «не было лучшим для миллеритского народа знать эти вещи», сто сорок четыре тысячи испытываются той же самой историей, но не из-за невинного непонимания истории, а за непонимание истории, которую вы обязаны знать. Это то же самое испытание, только наоборот. Иоанн в десятой главе Откровения прежде всего представляет сто сорок четыре тысячи и лишь во вторую очередь — миллеритское движение первого и второго ангела. Это становится очевидным, когда вы видите, что Иоанну заранее сообщено: когда он съест книжку, она будет сладкой, а затем горькой. Для миллеритов не было лучшим знать, что это означает, но Иоанн представляет народ, который заранее знает, что произошло, когда миллериты съели книжку.

И я подошёл к ангелу и сказал ему: дай мне книжку. И он сказал мне: возьми её и съешь её; и она сделает горьким чрево твоё, но в устах твоих будет сладка, как мёд. И взял я книжку из руки ангела и съел её; и она в устах моих была сладка, как мёд; но, когда я съел её, то горько стало во чреве моём. Откровение 10:9, 10.

Иоанну заранее сказано о горько-сладком опыте 1840–1844 годов, об истории, представленной в десятой главе. Этот опыт, столь ясно представленный в девятом и десятом стихах, также отчетливо обозначен в стихах со второго по четвертый.

И в руке у него была раскрытая книжица; и он поставил правую ногу свою на море, а левую — на землю, и возопил громким голосом, как лев рыкает; и когда он возопил, семь громов возгласили свои голоса. И когда семь громов возгласили свои голоса, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: запечатай то, что сказали семь громов, и не записывай этого. Откровение 10:2–4.

«Семь громов» представляют «изложение событий», которые произойдут при действии первого и второго ангелов, а также «будущие события, которые будут раскрыты по порядку». «Семь громов» представляют истину о том, что история миллеритов повторяется в истории ста сорока четырех тысяч, а истины, которые были раскрыты во время конца в 1798 году и далее, представляют раскрытие истины в последние дни Божьего народа. Иисус в десятой главе Откровения соотносится с Иисусом в двенадцатой главе Даниила. В обоих отрывках изложено запечатление и раскрытие испытующей истины в последние дни.

Некоторые могут утверждать, что в седьмом стихе говорит Иисус, а в одиннадцатом и двенадцатом — Гавриил, однако можно понимать и так, что во всех трех отрывках говорит Иисус. Как бы ни рассматривать этот вопрос, это голос Христа, говорящий через Даниила, и три пророческих периода в двенадцатой главе — слова Христа; Он излагает эти три периода в структуре истины. Все три периода запечатаны, образуя единый тройственный символ.

Седьмой стих касается завершения «чудес», определяя заключительное служение Христа во Святом Святых, когда Он изглаживает грехи ста сорока четырех тысяч и запечатывает их. Первый стих определяет «чудеса», а последний из трех стихов также определяет «чудеса» как тех, кто блажен за ожидание и переживание первого разочарования. Средний период указывает на бунт человечества во время кризиса воскресного закона, а также обозначает период, ведущий к воскресному закону, как время подготовки для ста сорока четырех тысяч. Все стихи напрямую указывают на «что постигнет» народ Даниила «в последние дни». Все три стиха затрагивают тему очищения ста сорока четырех тысяч. Первый период соотносится с третьим, а средний период представляет восстание всего мира по мере его шествия к Армагеддону.

Если те три периода — это также семь громов, то три стиха должны указывать на «будущие события, которые будут [раскрыты] в своем порядке», и эти «будущие события» будут соответствовать «изложению событий, которые произошли при первом и втором ангелах» с 1840 по 1844 год. Существует несколько истин, принятых этим движением, которые отчетливо отличаются от пионерского понимания, однако все они согласуются с

пионерским пониманием. Произошел значительный пророческий сдвиг от миллеритов до настоящего времени. Принцип «день за год» — классический пример, но есть и другие. Пример значительного пророческого сдвига представлен в связи с семью громами.

После того как Иоанну в последнем стихе десятой главы было сказано, что ему надлежит снова пророчествовать, тем самым подчеркивая, что повествование десятой главы относилось и к движению миллеритов, и к ста сорока четырем тысячам, ему дали жезл, чтобы измерить храм, но велели двор не измерять.

И дана мне трость, подобная жезлу; и ангел стоял, говоря

При измерении храма после 1844 года Иоанну сказано оставить в стороне язычников, которых представляет двор. Этот образ в 1844 году указывал на то, что Бог только что избрал невесту нового завета, и тогда было проведено различие между Его невестой и двором. Сестра Уайт ясно говорит, что двор представляет язычников, а храм — Божий избранный народ; просто прочитайте главу «Внешний двор» в книге «Желание веков».

Иоанн изображает миллеритов, которые в 1844 году только что стали избранным Божиим народом. Было проведено различие между миллеритами, только что пережившими горько-сладкую весть, и остальным миром, называющим себя христианским, представленным как язычники.

Основание было заложено с 1840 года до первого разочарования, а храм был завершён во время провозглашения полуночного возгласа. Затем наступило Великое разочарование, и Иоанну повелевают встать и измерить, но язычников оставить. Иоанн иллюстрирует начало суда, и по этой причине вдохновение представляет измерение Иоанна в этих стихах как символ следственного суда. То, что мы только что изложили об Иоанне как символе измерения, согласуется с типичным адвентистским пониманием, но в этом движении произошёл значительный сдвиг в понимании этого символа.

Согласно миллеритскому пониманию, мы увидели, что в истории миллеритов, как она представлена Иоанном в десятой главе, также содержалось предсказание о параллельном движении, которое станет ста сорока четырьмя тысячами. Мы поняли, что если взять измерения истории миллеритов и исключить время язычников, то можно увидеть тот самый храм, который измерял Иоанн.

Мы пришли к пониманию, что одно 2520-летнее пророчество о времени заканчивается в 1798 году, а другое — в 1844 году, тем самым выявляя сорокашестилетний период, в течение которого Христос строил храм миллеритов. Иоанн отождествил внешний двор с язычниками, и существуют пророческие «времена язычников».

И падут от острия меча, и отведены будут в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников. Луки 21:24.

«Времена» язычников — во множественном числе и представляют два периода, когда и буквальная, и духовная Израиль были попираемы. Из двух попирааний — языческого и

папского — последнее завершилось в 1798 году. Несмотря на любые заявления, «времена язычников» закончились в 1798 году, с приходом первого ангела. Иоанну надлежало начать измерение в 1798 году, и не раньше. Он был помещён в историю 1844 года, так что опустить период, завершившийся в 1798 году, означало опустить внешний двор, и тем самым выявляются сорок шесть лет, в течение которых миллеритский храм был воздвигнут Посланником Завета. Из такого применения выводится множество связанных истин, но я привожу это лишь как пример света, отличного от понимания пионеров; это свет, не противоречащий исходным истинам, но больше не применяющий время.

Та самая истина была осознана еще до 11 сентября, но по-настоящему утвердилась уже после 11 сентября. Истина об измерении храма Иоанном неотделима от семи громов, ибо это один и тот же отрывок. Существует истина о применении семи громов, которая была запечатана до времени, когда исполнятся «чудеса» двенадцатой главы Даниила. Применение «семи громов», раскрытое после июля 2023 года, полностью согласуется — или, точнее, глубоко дополняет — три стиха двенадцатой главы Даниила.

Сестра Уайт употребляет слово «complement», а не «compliment», чтобы описать взаимосвязь книг Даниила и Откровения. «Complement», что означает «доводить до совершенства», — это как раз то, что две пророческие книги делают друг для друга. Семь громов, когда они будут раскрыты в двенадцатой главе Даниила после июля 2023 года, доведут заключённое в ней послание до совершенства. То, что раскрывает семь громов, — это принцип Альфы и Омеги в сочетании со структурой истины.

«Времена» язычников исполнились в 1798 году и представляют собой два периода по 1260 лет, когда язычество, а затем папство попрали святилище и воинство. При измерении храма мы должны исключить двор, и двор простирается до 1798 года, но после 1844 года времени больше нет. Сегодня 1260 лет просто представляют период времени, который обозначает различие между храмом и двором. По этой причине с 18 июля 2020 года до июля 2023 года поправление было совершено. Измерять храм сегодня, в сочетании с семью громами, которые представляют собой очертание событий, происшедших под вестями первого и второго ангелов, — это работа, порученная Иоанну. «Наше великое дело» — «соединить» вести трех ангелов, тем самым обозначая пророческую работу, которая не была сделана в прежней истории завета и очень редко делается даже теперь. Когда мы оставляем двор, представляющий времена язычников, мы оставляем 1260 лет папских преследований, которые завершились во время конца в 1798 году.

Храм, который был воздвигнут в течение сорока шести лет в истории миллеритов, указывает на храм, воздвигаемый с июля 2023 года и до времени непосредственно перед воскресным законом. Та история — это период семи громов — «будущих событий», которые «будут», а не могут быть, «раскрыты по порядку».

Когда мы объединяем историю первого ангела с историей второго, мы обнаруживаем, что эта история начинается разочарованием «Альфа» и заканчивается разочарованием «Омега». Когда мы сопоставляем пророческие вехи в истории первого ангела, от 1840 года до 19

апреля 1844 года, с вехами второго ангела, пришедшего в то время и продолжавшегося до прихода третьего 22 октября 1844 года,— мы получаем два периода, которые оба начинаются и заканчиваются приходом ангела. История первого вплоть до второго иллюстрирует историю второго вплоть до третьего.

Пророческое свидетельство того, что это правильное применение, обнаруживается в альфе и омеге этого применения. Две параллельные линии применяются вместе, и начало и конец обеих линий обозначают пришествие ангела. Затем, когда их соединяют, линия к линии, в одну линию, начало отмечает первое разочарование, а конец — великое разочарование. Дополнительное подтверждение содержится в принципах альфы и омеги, согласно которым конец больше начала. Разочарование альфы, завершающееся великим разочарованием омеги, указывает на меньший и больший аспект альфы и омеги.

Когда мы начинаем с 19 апреля 1844 года (пришествие второго ангела, ведущее к пришествию третьего 22 октября 1844 года); а затем мы также начинаем вторую линию с 11 августа 1840 года, которая заканчивается 19 апреля 1844 года, мы видим, что разочарование 19 апреля 1844 года является и альфой, и омегой пророческой линии, полученной путём объединения пророческих линий первого и второго ангелов.

В конце этого периода приходит третий ангел вместе со вторым, тем самым прообразуя 11 сентября и два голоса сильного ангела из восемнадцатой главы Откровения. Эти два голоса — это вести второго и третьего ангелов, и эти два ангела соприкоснулись 22 октября 1844 года, и они снова встречаются, когда две истории соединяются по принципу линия на линию. Соединённые таким образом, они представляют историю от первого разочарования до великого разочарования, а вехой посреди этой истории во времена миллеритов был лагерный съезд в Эксетере, где проявились два класса поклонников, представляющие восстание неразумных дев в притче и тем самым определяющие среднюю веку как восстание.

Семь громов представляют историю вестей первого и второго ангела, объединённых по принципу «строка за строкой», что затем обозначает историю от первого разочарования до великого разочарования в истории ста сорока четырёх тысяч. Понимание того, что эта история означает в пророческом отношении, полностью совпадает с вестью, представленной в двенадцатой главе книги Даниила как запечатанной до времени конца.

Мы продолжим это исследование в следующей статье, но я оставлю без рассмотрения ту часть последнего видения Даниила, которая касается только того, как Даниил изображает народ Божий в последние дни. Отметим, что в контексте правила первого упоминания в первом стихе Даниил причислен к тем, кто понимает видение. Первое, что упоминается в видении, — это изображение Даниила как одного из мудрых, разумеющих, а последние девять стихов — все о мудрых, разумеющих, на двадцать второй день.

В третий год Кира, царя персидского, открылось слово Даниилу, которого называли Валтасаром; и слово было истинно, но назначенный срок был долг; он понял слово и уразумел видение.

В те дни я, Даниил, скорбел три полные недели. Вкусного хлеба я не ел, ни мясо, ни вино не входило в мои уста, и вовсе не помазывал себя, пока не исполнились три полные недели. И в двадцать четвертый день первого месяца, когда я был у берега великой реки, которая называется Хиддекель, я поднял глаза мои и посмотрел, и вот

некоторый муж, облечённый в льняную одежду, чресла его были препоясаны чистым золотом Уфаза; тело его было подобно бериллу, лицо его — как вид молнии, очи его — как светильники огненные, руки его и ноги его по виду — как полированная медь, и голос слов его — как голос множества.

И я, Даниил, один видел это видение: люди, которые были со мной, видения не видели; но великий трепет напал на них, и они побежали, чтобы скрыться. И потому я остался один и увидел это великое видение, и во мне не осталось сил; ибо моё благолепие обратилось во мне в тление, и я не сохранил никакой силы.

Но я услышал голос его слов; и когда я услышал голос его слов, я пал в глубокий сон лицом к земле. И вот, рука коснулась меня и поставила меня на колени мои и на ладони рук моих. И он сказал мне,

О, Даниил, муж весьма возлюбленный, вразумей слова, которые я говорю тебе, и встань прямо, ибо теперь я послан к тебе.

И когда он сказал мне это слово, я стоял, дрожа. Тогда он сказал мне,

Не бойся, Даниил: ибо с первого дня, как ты расположил сердце своё к разумению и смирял себя пред Богом твоим, слова твои были услышаны, и я пришёл ради слов твоих. Но князь царства Персидского противостоял мне двадцать один день; но вот Михаил, один из первых князей, пришёл помочь мне; и я оставался там при царях Персидских.

Теперь я пришел, чтобы вразумить тебя, что постигнет народ твой в последние дни; ибо видение относится к отдаленным дням.

И когда он сказал мне такие слова, я припал лицом к земле и онемел. И вот, подобный сынам человеческим коснулся уст моих: тогда я открыл уста мои и стал говорить и сказал стоявшему передо мною,

О, господин мой, от этого видения скорби мои постигли меня, и во мне не осталось сил. Ибо как может раб господина моего говорить с господином моим?

ибо во мне тотчас не осталось сил, и дыхания во мне не осталось. Тогда опять пришёл и коснулся меня некто, подобный по виду человеку, и укрепил меня, и сказал,

О муж весьма возлюбленный, не бойся: мир тебе; крепись, да крепись. И когда он говорил со мною, я укрепился и сказал: пусть говорит господин мой, ибо ты укрепил меня. ...

А ты, Даниил, сокрой слова и запечатай книгу до времени конца: многие будут бегать туда и сюда, и умножится знание.

Тогда я, Даниил, посмотрел, и вот, стояли еще двое: один на этой стороне берега реки, а другой на той стороне берега реки. И один сказал мужу, одетому в льняную одежду, который был над водами реки: «Сколько времени до конца этих чудес?»

И я услышал мужа в льняной одежде, который был над водами реки, когда он поднял к небу правую и левую руки и клялся Живущим во веки, что это будет на время, времена и половину времени; и когда будет завершено рассеяние силы народа святого, всё это совершится.

И я слышал, но не понял; тогда сказал я: о, господин мой, каков будет конец всего этого?

И сказал: иди своим путем, Даниил, ибо эти слова сокрыты и запечатаны до времени конца. Многие очистятся, убелятся и будут испытаны; но нечестивые будут поступать нечестиво, и никто из нечестивых не уразумеет; а мудрые уразумеют.

И со времени прекращения ежедневной жертвы и установления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней.

Блажен тот, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней.

А ты иди своим путем до конца; ибо ты упокоишься и восстанешь для получения жребия твоего в конце дней. Даниил 10:1–18; 12:4–13.